

КАТРИН
ПАНКОЛЬ

НОВОЕ ПЛАТЬЕ
ЛЕОНИ

МУЧАЧАС

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
П16

Katherine Pancol
Muchachas 3

Печатается с разрешения издательства Albin Michel
и литературного агентства Anastasia Lester

Перевод с французского *Елены Брагинской*

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Панколь, Катрин.

П16 Мучачас. Новое платье Леони : [Трилогия. Кн. 3] / Катрин Панколь ; [пер. с фр. Е. Брагинской]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 448 с. — (Легкое дыхание).

ISBN 978-5-17-091356-5

Новая трилогия Катрин Панколь — о прекрасных женщинах, которые танцуют свой танец жизни в Нью-Йорке и Париже, Лондоне и Сен-Шалане. Мужчины?.. Они тоже есть. Но правят бал здесь женщины. Пламенные, изобретательные, любящие, они борются за свою судьбу и не хотят сдаваться.

Долгие годы Рэй Валенти, бравый пожарный из городка Сен-Шалан и по совместительству мелкий мошенник, тиранил Стеллу и ее мать Леони, на людях притворясь любящим отцом и мужем. Но Стелла выросла и намерена дать ему отпор. Пусть и кажется, что силы неравны, она полна решимости разоблачить махинации Рэя и помочь матери вырваться из-под его гнета. Тем более что недавно Леони, для которой Стелла — последняя надежда, открыла дочери страшную тайну: Рэй на самом деле ей не отец.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-091356-5

© Éditions Albin Michel — Paris, 2014
© Брагинская Е., перевод, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Посвящается Октавии и Шаше,
двум моим таким внимательным читательницам,
а также Надин, Доминик, Саре,
Коринне, Софи, Глории,
Паскаль, Беатрисе, Мелиссе,
Натали, Сильви, Марине,
Виржини, Кароль, Магде, Лило,
Лизе, Мари, двум chicas с альтами!
Muchas gracias, muchachas!*

Так человек в ночи идет навстречу свету.

Виктор Гюго

Она едет по дороге на красном «Рено Кангу», а за окном проплывают холмы, мосты, бургундские деревушки. Она уже видела эту ферму, озеро, белая лента ограждения так же билась по ветру. Полосатая кошечка, свернувшись клубком, спала на крыльце предприятия «Море».

Она могла бы вести машину с закрытыми глазами. Дорогу знала практически наизусть. Ей теперь часто приходится ездить в Лион. Она попросила Жоржа одолжить ей машину. Взяла у Жюли несколько выходных и никому ничего не стала объяснять.

— Вычтешь это время из моего отпуска.

Жюли ответила: «Не волнуйся». Жорж просто протянул ей ключи. Они оба как-то поняли, что ей действительно необходимо уладить важное дело.

Она смотрела, как в окне проплывают пейзажи, и спрашивала себя, что же ей делать с этим Люсьеном Плиссонье. Произносила вслух: «Люсьен Плиссонье. Мой отец. Люсьен Плиссонье.

Должна существовать некая мадам Плиссонье, вдова Люсьена. Жива ли она еще? Знала ли она, что муж ей изменял?

А вдруг Адриан тоже изменял мне?

Не хочется об этом думать».

Она не знала ни где он живет, ни чем занимается. Вроде бы где-то работает. Приносит пачки денег, которые прячет в ванной комнате в мьльнице под раковиной. Сумма каждый раз разная. Он утверждает, что лучше пусть она не знает, из какого источника эти деньги. И повторяет, что

в один прекрасный день они воссоединятся. А Леони вот тоже думала, что она в один прекрасный день воссоединится с Люсьеном.

Стелла остановилась перед знаком «Стоп». Новая магия у властей, везде тыкают эти «Стопы». Люди не обращают на них внимания, весело едут вперед, и происходят автокатастрофы. И люди гибнут.

Она пропустила мотоцикл, вновь тронулась с места. А забавно стать членом семьи, где не знаешь ни одного человека. Она посмотрела на себя в зеркало. Спутанные белокурые волосы воинственно топорщились, словно перья на голове индейца племени сиу. Воительница, спустившаяся с небес. Адриан утверждает, что она похожа на эту актрису, Тильду Суинтон. Он показывал ей фотографию в журнале. А Жозефина совсем не похожа на Тильду Суинтон. У нее неуловимое, нежное, парижское очарование, которое обволакивает тебя, как вата игрушку. А замужем ли она? Кольца, по крайней мере, не носит.

Стелла посигналила, чтобы трактор, который тащился перед ней, перестроился и уступил ей дорогу. Она спешит домой, Том уже ждет ее. После смерти Медка он стал раздражительным, целыми днями в одиночку бродил по лесу, дома молча ел и уходил с губной гармошкой в свою комнату.

Надин, директриса школы, предупредила ее, что Том снова начал драться.

— Твой сын взрывается по пустякам, что-то его тревожит, ты не знаешь, Стелла, что с ним?

— Кто-то убил его собаку.

— Тебе нужно отправить его к психологу.

— Как будто он откроет рот в присутствии психолога! Ни за что, я-то его знаю.

Том такой же, как она. Он ничего никому не рассказывает. Сам разбирается со своими делами.

— А зачем тебе так часто уезжать? Что ты там перевозишь, не пойму! Душа болит, волнуюсь за тебя, после всей этой истории с Медком я вся за нервах.

— Не бойся, Нанни. Я езжу в совершенно безопасное место.

— А что ты конкретно там делаешь?

— Пеленгую.

— Это что еще за занятие?

Стелла, недоверчивая, как дикий зверек, хотела понаблюдать за Жозефиной, прежде чем подойти к ней. Она научилась разбираться в людях. Читать по их лицам, расшифровывать их движения, подобно тому, как раньше научилась читать по губам. Она могла различить в дрожании голоса скрытую угрозу, трусость, ложь. Заранее угадывала замышляющееся предательство, подлый удар исподтишка.

Долгие часы дороги туда, долгие часы дороги назад, и все для того, чтобы понять, стоит ли доверяться Жозефине Кортес.

Леони тоже хотела знать. А что знать? Она и сама не знала.

— Забавно, — говорила она, — я чувствую, будто наконец нашла свое место, будто обрела какое-то право на него. Все эти годы никаких известий... это сводило меня с ума. Я, в конце концов, спрашивала себя, не пригрелся ли мне Люсьен, не придумала ли я его себе и не дочь ли ты Рэя на самом деле.

— Мама, ну он же бесплоден! Ты забыла? Пустоцвет, Сухостой.

— Я уже перестала быть в чем-либо уверена. Я утратила память о своей жизни.

— Это у тебя началась амнезия после побоев.

— И я наконец хочу знать...

— Не особенно обольщайся, мам, может, эти люди — мерзкие крысы.

— А Жозефина Плиссонье похожа на крысу?

— Нет. И студенты вроде бы любят ее.

— Вот видишь! — отвечала Леони, гордясь тем, что получила очко в свою пользу.

Она жаждала подробностей: а она высокая, а она худенькая, а она красивая? Носит ли очки? А как она одевается? У нее тихий голос или громкий? Она, должно быть, очень умная, если ей доверили читать лекции студентам! Люсьен говорил, что не может уехать, потому что должен оставаться с дочерью и оберегать ее. Там, видимо, произошло что-то серьезное.

Стелле захотелось тогда закричать: «А меня, меня ты оберегала?» — но она сдержалась и только спросила:

— И он так тебе и не объяснил, в чем дело?

— Нет, но это его явно угнетало.

Леони тяжело вздохнула и прошептала:

— У тебя есть сестра, Стелла. Это ли не замечательно?

— Не нужна мне никакая сестра, — пробурчала Стелла, опять останавливаясь на знаке «Стоп». — И никто мне не нужен.

Когда смотришь из аудитории, Жозефина Кортес кажется нежной и скромной. Никогда не повышает голос. Вроде бы у нее есть очень уродливая собака по кличке Дю Геклен.

Сегодня она решилась и подсунула записку под дворник на ветровом стекле ее машины. Может быть, надо было написать что-нибудь другое? Как-то более внятно? «Меня зовут Стелла, я ваша сестра по отцу, ваш отец был любовником моей матери, как-то так... не слишком долгое время, правда, но достаточное, чтобы я появилась на свет. Хотелось бы знать... А что он был за человек? У вас есть его фотография? Отчего он умер 13 июля? Он был еще не стар. Ему было ведь в районе сорока, да? За две недели до смерти, когда он уезжал от Леони, он был совершенно здоров. Не странно ли это?»

И тут ее пронзила мысль: а ведь правда странная история, смерть в сорок лет — как-то ненормально. А вдруг это дело рук Рэя? Идиотизм, конечно, но мало ли... Достаточно было бы, чтобы Тюрке, Жерсон и Лансенни решили отомстить за честь своего главаря. Это они в разговорах между собой пользуются такими мужественными, как им кажется, оборотами: «отомстить за честь», «содрать с него шкуру», «разобраться с этим подонком». Осушают кружку пива и идут на битву.

Она эти их фразы наизусть знает.

«Прошлое, — подумала она, увидев вдали острую крышу, — прошлое. Кажется, что оно осталось позади, а оно возвращается, как бумеранг. Оно требует отчетов, задает вопросы. Играет в справедливый суд. Прошлое никогда

ничего не забывает. И всегда возвращается. Со списком дел, с которыми нужно разобраться. Оно не терпит незавершенных историй.

Вот возьмем Виолетту. С какой стати она вернулась в Сен-Шалан? Когда три месяца назад ее родители умерли, она едва нашла время всплакнуть возле их могилы и потом скакнула в такси, которое нетерпеливо тархтело мотором, ожидая ее. Она очаровательно выглядела в своем розово-белом пальто. Ох, ей дали роль, нет времени, совершенно нет времени. Люди были шокированы, что это еще за вертихвостка, которая смывается сразу после того, как последняя пригоршня земли упала на гроб?»

Виолетта. С тех пор как она приехала, Стелла уже успела снова изучить ее. Когда она была ребенком, Виолетта поражала ее своей самоуверенностью, дерзостью, маленькими грудками, на которые заглядывались все парни в округе. Было совершенно очевидно, что она в жизни многого добьется. Ей достаточно шелкнуть пальцами, и она появится на всех афишах.

Стелла ходила с Виолеттой пить кофе, ее глаза, нос, уши работали на полную катушку. Все органы чувств были наизготовку.

Виолетта рассказывала о себе очень мало. Она поняла, что следует давать уклончивые ответы на вопросы. Чем люди меньше будут знать о ней, тем больше ей будет почета в городке, где любой слух сразу становится сплетней. Почему она вернулась в Сен-Шалан? Собирается ли она продолжать сниматься? Почему ни одного ее фильма здесь не видели? Что, она заработала достаточно денег, чтобы жить не работая? А ее не зовут назад в Париж?

Она ведь должна знать звезд? Вероник Жене, Алена Делона, Виктора Лану, Мими Мати, Софи Марсо? Они как вообще? А у тебя есть их номера мобильных?

Виолетта загадочно улыбается, что означает, что ей трудно ответить, что долго объяснять, что она вовсе не надолго вернулась в Сен-Шалан. Она должна заняться делами своих родителей, которые погибли на трассе, сбитые грузовиком, проигнорировавшим знак «Стоп». Такие

прекрасные, такие добрые люди! Она опускала голову, сдерживая рыдание, и тут же все вопросы отпадали, и любопытствующие смущенно замолкали.

Система действовала безотказно. Ее жалели, ей любовались, открывали ей сердца, ругали себя, что сомневались в ней. «Она не только хороша собой, у нее еще прекрасное сердце, — уверяла булочница, отсчитывая сдачу. — Она чиста, как вода!»

Виолетта и правда была очень красивой женщиной. Высокая, стройная, с тяжелыми светлыми волосами, в ней была столичная элегантность, которая приобретается в больших городах, когда смотришь много модных журналов и наблюдаешь за девушками на террасах кафе. Нужно было присмотреться к ней получше, чтобы заметить первые морщинки в углах глаз, чуть растянутую кожу возле губ, складывающихся в горькую гримаску. Гримаску человека, который много ждал, на многое надеялся и был обманут, над ним буквально надругались. Только опытный глаз Стеллы расшифровал это разочарование в жизни.

Виолетта напрасно рисовалась, жонглировала модными словечками, упоминала известные имена и большие цифры, рассказывала о заманчивых предложениях. Стелла поняла, что она просто нагоняет пурги. Как зимний ветер. «Меня ожидает главная роль», «мой агент изучает контракт», «иностранные продюсеры». Стелла кивала. Ее интересовало только одно. Она хотела знать, правда ли то, о чем болтают в городе: Виолетта встречается с Рэем. Или это просто очередная история в его духе? То есть действительно ли он на крючке или просто платит за хорошо проведенное время? Но все меняется, если он действительно втюрился! Любовь делает человека уязвимым. Делает из него легкую добычу. Если Рэй влюблен, Стелла сможет достать свои здоровенные гвозди и вогнать их в гроб.

Нужно еще определить, на чьей стороне Виолетта. Потому что в конце концов, если к тридцати пяти годам ей не удалось выйти на большой экран, почему бы ей действительно не прилепиться к Рэю? Он на двадцать пять лет старше ее, но это никогда никого не смущало. У него связи, он знаком со всем бомондом, в корешках с префектом

и его заместителем, с мэром и со всей его братией, с полицейскими — в общем, со всеми, кто заправляет в департаменте. И денежки у него водятся, хоть он и живет по-прежнему на улице Ястребов. Он остается там, потому что ему так комфортней. И его мать отказывается переезжать. И денежки на месте, а ведь он прижимист. Служебное жилье после окончания службы! Еще одно надувательство! Он явно неплохо живет: большая машина, хорошие рестораны, гаджеты, телефоны, часы «Ролекс». Элегантный да нарядный. Рук грязной работой не марают. Все темные делишки обстряпывают его подручные: Жерсон, Тюрке и Лансенни. Его ставка находится в задней комнате кафе Лансенни. Он собирает там дань, взятки, конвертики с деньгами, все, что приносят ему его грязные махинации. Он подмазывает всех. И все его подмазывают. Такая система взаимного вознаграждения. Для Виолетты это весьма заманчиво.

И к тому же, как не неприятно было Стелле это признать, Рэй до сих пор оставался красивым мужчиной. Прямая спина, плоский живот, ровный загар, ослепительная улыбка, надменный вид собственника, от которого женщины млеют и обмирают.

Все это Стелла могла прочесть в глазах Виолетты. Но читалось также и колебание.

Неизвестно было, чем дело кончится.

Виолетта рассказывала о своих планах, слушая себя со стороны, удивлялась, что называет Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Париж, потом привыкала, начинала находить в этом удовольствия и повторяла опять.

И опять, и опять.

Чем больше она говорила, тем больше сама в это верила. Она изучает контракт, готовится обсудить его со своим агентом. Она завтра улетает в Нью-Йорк, ищет модельера, чтобы одел ее, ищет парикмахершу, чтобы взять ее с собой. О, как прекрасно жить на свете! И наконец, быть звездой. Она смотрит на всех вокруг свысока. Оценивает людей вокруг себя как подручных, которые должны выслушивать ее, вовремя подавать реплики, оттенять ее значимость. Она начинает фразу с «Я же тебе объясняю» и глядит на собеседника так, словно он беспробудно туп.

Она — центр мира, ведущая актриса в сценарии, который она пишет изо дня в день. А кто в Сен-Шалане способен ее разоблачить?

Целыми днями она бьет баклуши.

Спит до полудня, потом делает эпиляцию холодным воском, горячим воском, обрабатывает ногти, красит один в оранжевый цвет, другой — в красный, третий — в темно-синий, смотрит телевизор, болтает в социальных сетях под вымышленным именем, язвит напрапалу, моет голову, пробуя новый шампунь, делает маску для чувствительной кожи, читает гороскоп, звонит знакомой гадалке, листает журнальчики и не сводит глаз с телефона. А он не звонит.

Закуривает третью сигарету подряд. Обещает себе, что с завтрашнего дня точно бросит.

Стелла угадывает какую-то недоговоренность то в растерянном, то в расстроенном взгляде Виолетты. Она как кошка, которая подстерегает мышь. Погружается в любезное молчание, а сама ждет. Стелла не знает, чего она ждет, но что-то подсказывает ей, что однажды Виолетта поделится с ней бесценной информацией.

И тогда Рэй Валенти окажется в ее власти.

Виолетта в конце концов сама поверила в свои рассказы.

Она смотрит на телефон. Звонит агенту, он отвечает: «Виолетта, у меня вторая линия, я перезвоню через две минуты». Она кладет трубку, сердце колотится, она чуть не плачет. Он не забыл ее, он сказал, что перезвонит! Наверное, у него есть для нее проект! Да все равно какой, лишь бы где-нибудь сниматься. О, с ума сойти, она уже была на грани отчаяния! Почему в ней так мало веры в свои силы?

Она решает сесть на диету, выщипывает брови, перекрашивает ногти, ох, оранжевый, это так вульгарно! Собирается пойти принять душ, но потом отказывается от этой мысли. А если вдруг телефон позвонит, а она не услышит и не сможет подойти?

В восемь часов, когда Рэй зашел за ней, чтобы пойти поужинать, он увидел, что она, скрестив ноги по-турецки, сидит возле телефона.

— Ты занимаешься йогой? — улыбаясь, спросил он.
— Да, вот именно, — ответила она, пронзая его взглядом.

— Ты готова? Нам нужно встретиться с префектом.

— Не сегодня, — сказала она.

— Он хотел тебя видеть, чтобы дать тебе работу!

— Не сегодня, сказала же! — почти взвизгнула она.

— Там будет председатель суда и его жена.

— Хватит уже! — закричала она. — Ты что, не понял?

И она поддала ногой телефон, лежащий на полу. Рэй с удивлением взглянул на нее.

— Ну хочешь, я пойду куплю пиццу и мы съедем ее перед теликом? Я отменю ужин, что-нибудь придумаю. Скажу, что моя мама неважно себя чувствует. Он все поймет.

«Пицца», «телек», «съедем», «мама» — эти слова разрывались в ее голове как гранаты.

— Уходи, Рэй, прошу тебя, свали!

Сбитый с толку Рэй предпочел не спорить и уйти. Совершенно сумасшедшая девчонка. Не в ее интересах часто устраивать ему такие сцены. Он может и рассердиться. И наказать ее. А может, ей этого и надо? Он пнул ногой переднее колесо своей «Мазерати». Чертовщина! Ему ведь так хотелось трахнуть ее сегодня вечером! Она делает одну такую штуку, которая сводит его с ума. Такая у нее манера, то она его отталкивает, то приголубливает, то отталкивает, то приголубливает, то наступает, то отступает. И он не знает, как дальше вести себя. Не может определиться. Надо как-то ее все-таки приручить. Но вот странно, когда он звонил в ее дверь, сердце у него колотилось как бешеное. Чтобы взбодриться, он стал думать, что зато скоро трахнет ее. И тогда... О, тогда... Какое же блаженство! Когда он входит в нее, его заливают волна наслаждения, такого острого, что он кричит «да», призывает Господа, в этот момент он готов на все. У этой девки вагина как боа-констриктор. Она словно бы обита какими-то нежными теплыми и чудесными тканями, и они охватывают его член, массируют и ласкают, нежат. Он напрягается, горит ясным пламенем, вскрикивает как раненый зверь, кусает себе руки, зарывается лицом в подушку и обмякает, разбитый, раздавленный, едва не в слезах. Ему так хорошо